

Спустя неделю северная часть Поднебесной облачилась в праздничные украшения. Каждый уголок, улицу и павильон венчали цветы, а мосты и деревья были завешаны шелковыми разноцветными лентами, на которых люди оставляли молитвы о скорейшем вознесении избранных [1]. Празднество обретало новые оттенки: лепестки отцветших плодовых деревьев оседали на украшениях, а легкий ветерок играл ими, из-за чего в округе стоял едва слышный нежный шелест.

[1] В буддизме деревья олицетворяют собой связь Земли и Неба, а разноцветные ленты — людские молитвы. Поэтому считается, что, когда ветер колышет ленты на ветвях, молитвы долетают до богов.

Погода, будто по велению высших сил, стала благосклоннее к Поднебесной и ее жителям: ни дождей, ни туч, лишь мягкое солнце, что окутывало своим теплом жизнь смертных.

И когда Небесное знамение явилось, все словно потеряли рассудок: разговоры велись исключительно о будущих богах, а люди непрерывно писали все новые и новые прошения. Казалось, что Север вот-вот лопнет от вывешенных у домов бумаг с молитвами, начнет обваливаться под тяжестью украшений. Но никого это не останавливало.

По указу живущих на горе Хэншань церемония должна была пройти безупречно, оставаясь в последующем на долгое время в сердцах и памяти как смертных, так и богов. Сотни людей были привлечены к созданию праздничной атмосферы. Пока одни подготавливали столицу к пиршеству, на других была возложена непостижимая задача — преобразить строгое, лишённое изысков поместье правящего клана У к прибытию участников процессии. Служащие дома получили строгие указания: «Изготовить большой красный [2] герб с изображением волка и украсить им центральное здание; найти молодого господина и отвести его к мастеру, который создаст статую будущего бога для площади Тяньцзинь; усыпать цветами главный двор...» Ко всему прочему на вершине горы начали возводить небольшую площадку в виде платформы, куда глава клана в сопровождении супруги и нескольких последователей поднимутся, чтобы поприветствовать будущих богов.

[2] В Древнем Китае считалось, что красный цвет — это цвет огня. Его стихия, как правило, считается хорошей, а сам цвет является символом торжества, успеха, праздника, удачи, счастья.

Но времени на подготовку было в обрез. Работа над статуей наследника клана, которую уже планировали установить, так и не началась. Никто не мог найти молодого господина, чтобы доставить его к мастеру. Из-за этого прибывший скульптор от осознания неминуемого краха своей карьеры уже неделю заливался вином на бамбуковой подстилке за домиком слуг.

Мастер Ли — так он всем представился — в первые дни своего прибытия сказал госпоже: «Я — рука божьей воли», — а всех вокруг с энтузиазмом убеждал, что превратит лик будущего божества Севера в произведение искусства: «Ни один из земных мастеров не сможет повторить его каменное изображение, когда я завершу работу! Ни нарисовать на бумаге, ни высечь в самом мягком камне! Такова уникальность творчества мастера Ли!» Вот только очень скоро его пыл угас под тяжестью печали и страха — как создать неповторимое произведение искусства, не взглянув хоть раз на юношу?

У Чан делал все возможное, чтобы избежать навязчивой компании мастера и нескольких слуг. А те, кто счастливым образом находили его, мгновенно сталкивались с негодованием:

— Сделаете еще шаг, и я сброшу вас с этой самой горы!

Не в силах противиться воле наследника и что-либо предпринять, им оставалось лишь наблюдать, как он вновь исчезает из вида. Это значило только одно: скульптору придется обойтись без взгляда на свою модель.

Прошло всего несколько дней, когда всплыла новая проблема. Оказалось, что новым гербом не украсит фасад центрального здания поместья: вследствие недоразумения или, возможно, глупости были сделаны неверные замеры. Итогом стали два неуклюжих, длинных и узких герба. Когда госпожа У увидела результат проделанной работы, по горе Хэншань пронесся ее пронзительный визг. Уставшая от дум женщина чуть не упала в обморок. Так в жизни обитателей поместья появилась еще одна забота.

Быть может, от истощения, госпожа перестала заботиться о себе, однако ее энергии хватило на то, чтобы перевернуть все поместье в поисках сына. У Чан стал для нее главной причиной всех бед. Видимо, потому-то с каждым разом найти его ей становилось все сложнее и сложнее. Разъяренная, она ворвалась в центральный двор, откуда аромат свежего дерева и красок разносился по всей территории поместья. Именно здесь идущая полным ходом постройка платформы наполняла пространство шумом. Увидев среди рабочих и слуг наставника, который наслаждался процессом возведения конструкции, женщина бросилась к нему, расталкивая всех на своем пути. Ее пальцы инстинктивно вцепились в худые плечи Го Бохая, и она прошипела:

— Где он?!

Го Бохай в недоумении переспросил:

— О ком вы говорите, госпожа?

Женщина взглянула на него, глаза ее горели красным от гнева, и она, едва сдерживая слезы, выдохнула:

— У Чан! Где этот мерзавец?

— Разве он сейчас не с мастером Ли, разве не позирует для скульптуры? — удивление Го Бохая было абсолютно искренним.

— Нет! — от напряжения госпожа нервно задрожала. — Ты должен был за ним проследить!

— Должен был, но только за подготовкой к его отъезду. О большем речи не шло. — Го Бохай нарочито спокойно добавил: — Госпожа, вам стоило с самого начала уточнить мои обязанности.

Как только эти слова слетели с его уст, женщина на мгновение потеряла дар речи. Слуги замерли, взглядами пронизывая наставника и ожидая развития событий. А тот, будто ничего не произошло, продолжал спокойно наблюдать за строительством.

Неожиданные изменения в мягком характере Го Бохай произошли в тот момент, когда встревоженный наследник спешно покинул приемный зал. Впоследствии он поведал учителю: глава клана сам отказывается от общения со своим сыном, мотивируя это недостойным поведением юнца. Несмотря даже на то что господин не так часто находится дома, а последствия от поступков младшего из семейства У обычно не затрагивают, до него все же доходят слухи, заставляющие краснеть от стыда. И если в представлениях матери У Чан — самодостаточный молодой человек, то для вечно отсутствующего отца он является в первую очередь наследником. С каждым возвращением главы клана выстроенный за многие годы

вдали от дома образ сына рушился все больше, и он винил в сложившемся госпожу, которая, в свою очередь, вымещала свое негодование на У Чане.

Как раз во время последнего приезда главы У Чан узнал об этом, и вместо того чтобы хоть как-то сгладить конфликт отца и сына, госпожа обвинила его в нерадивости и прогнала с глаз долой. С того момента, как Го Бохай узнал об этом, он и сам начал избегать встречи с ней, так как понимал: при виде ее лица он не сможет сдержать презрения. Как он предполагал, так и вышло: огонь справедливости поднялся в его груди, не давая вежливо промолчать.

Уловив глумливость в тоне Го Бохая, госпожа затрепетала то ли от гнева, то ли от осознания своего бессилия. Будучи изнеженной властью, она никогда не принимала участия в жизни людей, не интересовалась проблемами организации празднований, не понимала, как порой непомерны ее личные требования, и уж тем более частенько забывала, что у ее сына тоже есть потребности — потребности в родительском внимании. И вместо того чтобы встретиться с молодым господином, разъяснить ему, как важно для нее и в первую очередь для него это мероприятие, она решила выместить всю свою злость на нем.

Го Бохай наверняка сжалился бы над ее несчастьями, если бы госпожа хоть когда-нибудь проявляла доброту к У Чану. Но душевное благополучие воспитанника ему было дороже, чем чувства не знающей любви женщины. И сколько бы она ни стонала от отчаяния, не в ее силах было заставить Го Бохая принять на себя роль мучителя и принудить наследника делать то, чего она желала.

В угоду своему настроению она приказала:

— Быстро... быстро найди его, он должен готовиться к церемонии! В противном случае я обращусь за помощью к главе. Тебя высекут, несмотря на предстоящее посвящение богов!

Напоследок она пихнула наставника. Но Го Бохай смотрел ей вслед без обиды, ведь, думал он, людям не свойственно обижаться на животных за их скверное поведение. Однако он все же прекрасно осознавал: если довести эту женщину до крайности — рукоприкладства, — У Чан не продолжит свой путь становления богом, а выберет иной, лишь бы позлить мать.

У ног наставника уместился черный кот. Они обменялись взглядами, и Го Бохай махнул рукой:

— Пошли.

Мужчина шел широким шагом, а за ним по пятам торопливо перебирал лапками кот. Оба остановились у домика наследника, который единственный во всем поместье пребывал в умиротворении. Каждый, кто крутился рядом с У Чаном или навязывался ему со своими просьбами, был отруган и немедленно прогнан, поэтому вокруг не было ни души.

— Сянцзян, навести мастера Ли. До меня дошел слух, что он утопил свои заботы в вине... Если это правда, приложи все усилия, чтобы статуя была готова к утру.

— Что-что?! — вздыбился кот. — И как ты себе это представляешь?

— Сообразишь. Ведь ты здесь, чтобы помогать мне, не так ли?

Го Бохай договорил и постучал в дверь, как за его спиной раздался звук барахтанья птицы. Взлетев, она выкрикнула:

— Ох и пожалеешь же ты еще!

Не переживая из-за назойливого карканья, Го Бохай вновь постучал, и из-за двери послышался какой-то шум. Предположив, что это наследник, неготовый к гостям, носится взад-вперед, мужчина спокойным тоном обратился:

— У Чан, это учитель. Не будешь ли так добр открыть?

Беготня прекратилась, и из глубины комнаты донесся растерянный голос:

— Учитель? Только не смейтесь...

«Над чем?» — удивленно подумал Го Бохай, и дверь приоткрылась.

В просвете показалось знакомое лицо, точнее, видны были только смущенные глаза цвета ночи. Го Бохай напрягся, вообразив, что же могло произойти, и уже желал поинтересоваться, но У Чан опередил его:

— Не будете?

— Конечно же нет!

Дверь распахнулась полностью, и на Го Бохая полились реки возмущенных речей. Облаченный в пестрое одеяние наследник без остановки затараторил:

— Посмотрите! Учитель, даже курам от такого будет смешно, любой скажет, что я выгляжу, как тяньцзиньская девица! Не хватает лишь румян, — он с яростью похлопал себя по щекам, расставил руки в стороны и начал вертеться, демонстрируя церемониальные одежды, которые все-таки решился примерить по указу матери. — Это просто кошмар!

Заказанное госпожой одеяние для молодого господина действительно было несообразным, даже более чем неподходящим — смехотворным: оно состояло из нескольких слоев ткани, обмотанных широким красным поясом, рукава и кромы были прошиты белыми блестящими нитями, на плечах — легкий шелковый покров, свисающий до пола. Наряд, пестрящий излишествами, искажал и уродовал облик юноши. Даже самые богатые из богатых Поднебесной не носили подобного. Прошли те времена, когда господа из знатных домов и приближенные к императорам стремились продемонстрировать окружению свой статус через одежды: перестали вышивать особые знаки, гербы и священных животных, отказались даже от ярких строчек и невесомых, даже несколько легкомысленных тканей. В нынешнем представлении смертных идеальное одеяние господ — это прежде всего высококачественный шелк, гладкий, как поверхность озера. Он должен подчеркивать достоинства мужчины и создавать ощущение легкости, словно одежда на господине — не тяжелее пера. Невесомый и мягкий, но при этом величественный и неприкасаемый — таким был образ господина в умах жителей Поднебесной. Для наследника все было куда проще: чем менее яркие на нем одеяния, тем лучше он себя в них ощущал.

Го Бохай взглянул на юношу, который был похож на пухлую, нахохлившуюся птичку, и уголки его губ предательски дернулись.

У Чан вскипел и топнул ногой:

— Вы же обещали не смеяться!

— Я не смеюсь, кхм, не смеюсь... Просто все это и твоя прическа... Скажи, ты сам ее делал?

У Чан схватился обеими руками за голову, краснея все сильнее:

— Не увиливайте!

Сейчас на голове наследника было нечто причудливое. С ранних лет юный У Чан собирал свои серебряные волны в незамысловатый хвост, однако в данный момент волосы были распущены, а сверху несколько прядей скреплены заколкой из грубого металла. Прическа была бы поистине великолепной, если бы его прямые локоны, словно созданные шелкопрядами, не торчали во все стороны. Волосы У Чана, казалось, были отражением его души — упрямые, непокорные, насмешливо играющие с хозяином, который до сих пор не смог усмирить их буйство.

— Я могу помочь тебе, если хочешь, — мягко предложил Го Бохай.

Дергая себя за волосы, У Чан прорычал:

— А какой от этого толк? Учитель, я все равно не могу показаться в таком виде! — Он подбежал к книжному шкафу, путаясь ногами в собственном подоле, и начал копошиться среди книг. — Сейчас найду...

Го Бохай вошел и закрыл за собой дверь. Пока У Чан был занят поисками чего-то среди залежей, названных шкафом, наставник с улыбкой взглянул на безобразие, что все так же царило в комнате. Его взор упал на маленький свернутый листок, брошенный на край стола. По неведомому предчувствию Го Бохай подхватил его, расправил и прочитал. Это же размеры главного украшения церемонии — красного герба! Наставник не мог не осознать, что это У Чан подменил замеры, иначе что бы этот листок здесь делал? Зная, какую головокружительную бурю со стороны госпожи может вызвать его находка, он быстро смял ее в кулаке.

— Почти нашел, подождите! — продолжая сталкивать книги с полок, воскликнул У Чан.

Го Бохай принялся выискивать место, куда можно было бы спрятать доказательство очередной проделки. Заметив вазы, одна из которых давеча чуть не прибила его, он скользнул к ним и бросил листок в горлышко той, что стояла ближе.

У Чан раскрыл книгу на середине и выставил перед лицом Го Бохая два изображения.

— Вот, смотрите! Это бог рек, а это, — У Чан ткнул пальцем на вторую страницу, — богиня благополучия! Ни один из них не носит такие одеяния! — Он быстро пролистнул несколько страниц. — Это западный бог войны! Я понимаю, это всего лишь образы, созданные людьми, но даже так их одежды говорят об их могуществе и величии!

Го Бохай взглянул на изображенных. В руках воспитанник держал «Сборник небесных служителей». Это было необычным явлением или, быть может, знаком, поскольку еще не так давно юноше нравилось изучать демонов и разного рода книги с блошиного рынка. Можно ли считать, что Небесные светила оказали влияние и на наследника, и он усердно начал изучать летописи о небожителях? Это не могло не порадовать Го Бохая, и он только сейчас осознал, что совсем позабыл об учениях на фоне суматохи.

— У Чан, — медленно заговорил он, — откуда у тебя эта книга?

Услышав вопрос наставника, У Чан напрягся, подумав, что Го Бохай недоволен.

— Я... велел слугам купить хоть что-то, связанное с небожителями, ведь мы с вами так и не

затронули эту тему. Извините.

Он виновато склонил голову, по привычке представив, как сейчас учитель начнет ругать книги, не проверенные им самим, но тот и не подумал об этом. Го Бохай взял сборник в руки и начал листать его, слегка приподнимая одну бровь.

— У Чан, тебе не за что извиняться. А по поводу твоего одеяния... Отчасти согласен. Но все же замечу, что сочетание черного с красным тебе к лицу.

Он закрыл книгу, рукой провел по свисающим серебряным прядям ученика и мягко произнес:

— И твои волосы... Не стоит их убирать с лица, — пепельные локоны вырвались из плена заколки и коснулись бархатного лица юноши, — лучше так. Тебе не кажется?

У Чан на мгновение замер, позабыв, как дышать. Его длинные ресницы начали подрагивать, пока он повторял про себя: «Лучше... так?»

Го Бохай вернулся к книге и вдруг понял, что в ней недостает одной страницы.

— У Чан, это ты сделал? — он показал корешок с торчащим клочком, оставшимся от вырванной страницы.

— Н-нет.

«Странно... ведь тут как раз не хватает информации о двух богах», — подумал Го Бохай и захлопнул книгу.

— Ну, ничего! Наверное, так и было.

Он прошел к зеркалу и положил сборник на стоящий рядом столик.

— Присядь, я помогу тебе с волосами.

У Чан послушно разместился на стуле, и руки Го Бохая нырнули в серебряную копну. Мужчина взял гребень и, откинув в сторону безобразную заколку, распустил волосы юноши. Мягким движением от корней до кончиков локоны послушно укладывались в ту сторону, куда им велела расческа, и, щекоча хозяина, спадали на плечи. Кто бы мог подумать, что непослушные волосы строптивого наследника так мягко примут ухаживания. Сам хозяин им уделил мало времени, лишь пару раз провел гребнем и завязал, а тут они словно спокойно вздохнули. Наставник отделил длинную челку от серебряной копны, а остальное зачесал назад.

— Смотри, несколько прядей на твоем лице будут красиво смотреться.

У Чан поднял глаза.

— Н-но они довольно длинные, неудобно будет.

— И правда... — Го Бохай отложил в сторону инструмент и склонился, заглянув в лицо воспитанника. — Мы можем их подравнять! — Он провел пальцами по прядке, остановился у скулы ученика и, глядя на его отражение в зеркале, спросил: — Хочешь, сделаем так?

Не ожидая услышать что-либо подобное от своего наставника, У Чан покраснел. Он опустил голову и с сожалением ответил:

— Учитель... Мне еще нет полных шестнадцати лет, чтобы такое делать.

«Такое?» — повторил про себя Го Бохай.

— У Чан, мы никому не расскажем о том, как юный господин случайно лишился пары прядей на тренировке. Разве за такое можно ругать?

Согласно одному старому поверью, бытующему на Севере, юношам, не достигшим шестнадцатилетия, и правда было не дозволено стричь волосы. Кто-то еще соблюдал это правило, а кому-то, напротив, оно казалось нелепым. Например, молодой господин из семейства Бань, только достигнув двенадцатилетия, остриг волосы по плечи, чем ввел окружающих в ступор.

И хотя это не могло сделать юношу взрослым в полном смысле слова, услышав предложение, У Чан засветился от счастья. Это же самое что ни на есть нарушение правила! Го Бохай казался всем праведным человеком, соблюдающим любые, даже самые престарелые устои, и в отличие от него У Чан был любителем попирать мелкие и глупые ограничения.

Не дожидаясь, когда наставник начнет выскивать инструмент, которым сможет отрезать волосы, воспитанник резко раскрыл ящик стола и достал оттуда ножницы.

«Даже так?» — мысленно удивился мужчина.

Го Бохай взял ножницы и, спросив: «Ты готов?», сделал резкое движение, как только голова юноши кивнула. Над ухом У Чана пронесся звук. Опустив глаза, он увидел, а после и почувствовал, как остриженные пряди падают, чуть касаясь его руки.

— Учитель! — М-м-м?—Го Бохай начал отмерять длину второй пряди.

— А почему вы носите короткие волосы? Я ни разу не видел, чтобы они хоть на цунь [3] были длиннее обычного...

[3] Цунь — мера длины, равная около 3,2 см (длина толщины двух пальцев).

Го Бохай промолчал и лишь громко сглотнул. Не обращая внимания на это, У Чан продолжил с улыбкой на лице:

— Этому учителю пошли бы длинные волосы...

Чик! — ножницы безжалостно откусили вторую прядь.

— Даже не думал о таком. Учитель не нравится тебе таким? — послышалось прямо над ухом юноши.

Серьезный тон говорящего пронзил У Чана ледяной стрелой, будто бы наследник сказал что-то неподобающее.

— Что? Нет, учитель! Я не имел в виду что-то плохое! Этот ученик не хотел вас оскорбить! Просто...

Го Бохай вдруг рассмеялся:

— Не переживай. Я специально спросил об этом, чтобы вызвать у тебя неловкость.

На лице воспитанника надулись щеки, и он сложил руки перед собой.

— Ну что ты, я же только пошутил! Посмотри! — Го Бохай приподнял лицо ученика, мягко поддерживая подбородок: — Тебе идет... — он положил ножницы на край стола и, собирая волосы в хвост, закрепил их в руке. — Вот так, видишь? Тебе нравится?

У Чан закивал, и наставнику пришлось добавить:

— Подожди, не крутись! Позволь я сначала закреплю...

Он протянул руку к шее юноши, из воротника вытянул красную ленту одну и вплел ее в серебряную копну. Затем аккуратно убрал руки, боясь, что волосы того и гляди растреплются в разные стороны, склонился и, сдерживая усмешку, произнес:

— А теперь твой прекрасный наряд тяньцзиньской девицы! Давай... давай сделаем вот что.

Наставник шагнул в сторону, и воспитанник встал перед ним.

— Ты позволишь? — спросил Го Бохай, протягивая руку к вороту ученика.

У Чан встревоженно кивнул и застыл. Прозрачную вуаль, что была нужна для придания легкости и невесомости образу, наставник скинул на пол. Вторую красную ленту из ворота вытянул и отложил на стол. О нескольких ненужных слоях одеяния Го Бохай предложил вовсе не вспоминать. Вместо этого, по его словам, лучше было надеть белые штаны с рубашкой под верхний плотный покров.

Наконец желание молодого господина было услышано, и его церемониальная ряса стала больше схожа с одеянием богов с картинок. Единственное, чего пожелал У Чан, так это не запахивать плотно черно-красный халат, а просто закрепить его поясом. Счастью его не было предела. Он радостно щеголял по комнате, вертелся перед зеркалом и то и дело с непривычки продолжал путаться ногами в подоле.

— Ученику нравится?

— Очень!

Ночью этого же дня дом молодого господина посетил еще один гость: из темного угла появился желтоглазый силуэт с двумя парами лапок. Не издавая звуков, кот прошмыгнул к книжной полке, ловко перепрыгнул через разбросанные на полу препятствия и, немного посидев перед книжным хаосом, принял истинный облик. Складывалось ощущение, что Сянцзян уже не в первый раз приходит сюда, так как, выпрямившись в полный рост, он даже не взглянул на покои наследника, который — на минуточку — мог его заметить и поднять шум.

Демон провел пальцем по корешкам стоящих на полке книг и остановился на одной из них. Он поддел томик за верх, и тот податливо выдвинулся. Почти все книги в ряду выглядели одинаково, отличаясь друг от друга лишь количеством страниц и надписями на переплетах. Та, что вынул с полки Сянцзян, называлась «Сборником темных богов». Он раскрыл книгу и, быстро прощуршав страницами, без колебаний остановился почти на середине. Его заинтересовал изображенный мужчина с черными волосами и прищуренным взглядом. Сянцзян внимательно изучил этот силуэт, прежде чем опустить глаза к надписи: «Демон Душ». Как только он посмотрел на обратную сторону листа, из его рта вырвался раздраженный цык.

Подпись под изображением второго мужчины гласила: «Демон Тьмы», а запечатленный был не кем иным, как самим Сянцзяном. «Довольно странная реакция на самого себя, — сказал бы Го Бохай, увидь он эту картину. — Демон Тьмы не любит свое собственное изображение? Необычно».

Вдруг книга затрещала: Сянцзян принялся аккуратно вырывать страницу со своим изображением, стараясь не оставить следов. После вернул томик на полку, а страницу аккуратно сложил в несколько раз и спрятал за воротом одеяний.

— Ну, вот и все.

Он развернулся и уже собирался уйти, как заметил расчищенный письменный стол, по центру которого лежал одинокий листочек. Он подошел поближе, взял подобие записки в руку и ухмыльнулся:

— Хо-о-о, даже так...

Эта бумажка также отправилась за ворот демона. Перед тем как покинуть домик, он не удержался — шагнул к алым шелкам, что скрывали ложе наследника, и тихо обратился:

— Маленький господин, вы еще многого не знаете. Мне вас и правда жаль, ведь, когда откроется правда, вы станете самым несчастным из нас.

<http://tl.rulate.ru/book/68131/3742963>